

Стойкий солдат и великий труженик Алексей Кузьмич Кулагин

А. К. Кулагин, 2004 г.

В 2020 г. сотрудники Института физики взрыва подготовили к выходу в свет знаменательную книгу «Боевая слава газодинамического подразделения РФЯЦ-ВНИИЭФ». Судьбы почти ста ветеранов войны сектора 3 (ИФВ) будут отражены в этом издании. Одним из самых удивительных людей в этой книге является Алексей Кузь-

мич Кулагин, 25 ноября 2020 г. ему исполнилось 98 лет!

Родился А. К. Кулагин 25.11.1922 г. в с. Старый Город Темниковского района Мордовской АССР. В действующей армии – с декабря 1941 г., рядовой 97-го стрелкового полка 187-й дивизии Дальневосточной Краснознаменной армии. Участвовал в войне с Японией. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени (1985) и памятными медалями к юбилеям Победы.

В КБ-11 работал с февраля 1948 г. по август 1994 г. токарем-универсалом. Награжден орденом Октябрьской Революции (1971), медалями «За трудовое отличие» (1953), «Ветеран труда», «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», удостоен звания «Почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ».

Алексей Кузьмич особо интересен тем, что, выйдя на заслуженный отдых в 1994 г., имея только начальное довоенное образование, написал пронзительные воспоминания о своей жизни, при чтении которых зачастую слезы наверчиваются на глаза... При большой поддержке родных и близких машинописный экземпляр мемуаров увидел свет в середине 2000-х гг. Серьезными усилиями Валентины Петровны Порваткиной, председателя Совета ветеранов завода ВНИИЭФ, члена Союза журналистов

СССР, книга А. К. Кулагина была подготовлена к публикации. Под названием «Алешкино счастье, или как закалялась сталь» книга вышла в Издательско-полиграфическом комплексе РФЯЦ-ВНИИЭФ в 2012 г. тиражом всего 100 экз. Конечно, после презентации на заводе ВНИИЭФ книга сразу стала библиографической редкостью.

Совет ветеранов ИФВ, активисты инициативной группы этого подразделения предложили переиздать книгу в подарочном варианте к 75-летию Великой Победы и 75-летию атомной отрасли России. Мы приводим здесь отрывки из книги А. К. Кулагина.

По военным дорогам...

Меня наградили медалью «За победу над Японией». Но это в конце войны. А военные мои дороги на Дальневосточном фронте были разными. Чем только ни приходилось заниматься на границе с Японией... Было и такое... Командир батальона сказал ротным офицерам, что нужно подсобные огороды возделывать и выращивать овощи. Мы посадили картошку, капусту, помидоры. Меня послали с украинцем Франкевичем картошку окучивать. Окучили быстро. Возвращаясь в роту, остановились у речки портянки

Алеша Кулагин, за 2 дня до призыва в армию, 1 декабря 1941 г.

постирать. Потому что до обеда еще далеко, а в роте опять какое-нибудь дело найдут. Франкевич достал из кармана соль и стал ее есть.

– Зачем соль ешь? – спросил его. – Я тоже есть хочу, но соль не ем.

В ответ он только заплакал. Слез-то у него не было. У голодного и усталого человека слез не бывает, слезы – это витамины.

Многие пожилые солдаты были опухшие от недоедания. Франкевич тоже опухший был. Мо-

лодые солдаты не опухали. Половина роты боленя куриной слепотой (это, когда днем видишь, а ночью – нет). Я куриной слепотой тогда уже не болел. В полевой караул ходили даже те солдаты, у которых была куриная слепота. Под конец войны стали лучше кормить. Из молодых солдат комплектовали «выздоровливающие» команды. Но в первом же бою они, слабые и необстрелянные, почти все погибали или оказывались ранеными.

Границу нарушали часто, но наши замаскированные часовые видели нарушителей и задерживали. Все они – молодые, здоровые, на них была японская военная форма. Каждый из них говорил, что он заблудился. Я только раз принимал участие в задержании нарушителей границы.

9 мая 1945 г. мы были на оборонке, окопы поправляли (они после весны обвалились). Здесь и узнали, что война закончилась. Обрадованные известием, вернулись в землянки и стали веселиться. Я думал о том, что все поедут домой, а мне некуда. Вспомнил родителей, которые умерли во время войны. Жалко их, конечно, очень, но сейчас я жалел и себя, потому что никто меня не ждал. Я ушел за землянку, и слезы полились ручьем...

Вскоре начали подходить солдаты, которые воевали на западных фронтах. Они размещались у самой границы, не обращая внимания на нейтральную полосу. Сделали дорогу шириной 12 метров.

Голодали, но воевали

Пришел новый приказ. И снова мы шли весь день и всю ночь, не останавливаясь, сначала по равнине, потом по каким-то холмам. Перешли хребет. Наконец, пришли в маленький военный городок. Кругом был дым, городок горел. Нас посадили на грузовые машины. У самых гор нас обстреляли. Несколько человек было убито. Около этих гор мы заночевали. Ночью работала разведка, а утром началось наступление. Впереди шла пехота. Японцы открыли стрельбу. Были убитые и раненые. Я немного отстал, но понял, что нельзя отставать, ведь меня могут в любое время вызвать для подавления какой-нибудь огневой точки.

Комбат стал всех поднимать в атаку. Перед моими глазами до сих пор стоят четыре раненых солдата. Они шли, как пьяные, и говорили нам: – Бейте их, гадов!

Многие солдаты на моих глазах падали и умирали. Командир лежал на земле неподалеку

от меня. Я услышал, как он сказал санитару, указывая на меня:

– Это хороший солдат, пусть он будет около нас.

Комбат много раз поднимал в атаку солдат, но это успехов не принесло. Тогда он вызвал самоходную артиллерию...

К нам на границу приходило пополнение. Все молодые: тульские – 1925 года, тамбовские – 1926 года рождения. Потом в пополнение прибыли сталинградские. На границе проходили курс молодого бойца и – на фронт. А вот саперы не снимались с границы, так и служили с начала войны. Когда разминировали дорогу, они все погибли: из сорока осталось только двое.

...Утром на рассвете я увидел, как солдаты водят тряпкой по траве, собирают росу и сосут тряпку. Я оторвал от рубашки лоскут и тоже стал собирать росу. Тряпка была соленая от пота. Тогда я взял ту, которая была уже обсосана, и стал водить ею по траве и сосать, потому что очень хотелось пить. Мы давно ничего не ели, и когда дадут поесть – было неизвестно. Из-за этого солдаты были злыми.

Приехал замком дивизии. Только он подъехал, как один солдат выстрелил в грудь лошади. Завком дивизии еще не успел соскочить с лошади, как лошадь упала. Голодные солдаты, как по команде, кинулись к лошади. Стали отрезать мясо – кто чем, только бы утолить голод. Я тоже дотянулся, отрезал кусочек мяса, положил его в рот. А нерв в куске еще живой и стал дергать мою щеку...

Лицом к лицу со смертью

Дважды над нами пролетал самолет: видно, за полем боя наблюдали. Были слышны выстрелы наших «Катюш», которые разбивали тылы японцев. После каждой атаки смертельно раненые солдаты шли обратно во весь рост, но как пьяные: видно, находились в беспамятстве, в шоке от сильной боли. Потом падали и умирали. Сильно раненые солдаты во весь рост не вставали, боялись попасть под обстрел, в тыл пробирались ползком.

Бой шел местного значения, так как сплошного фронта не было. Комбату сообщили по радиации, что японцы без выстрелов перерезают горло раненым. В глубокий тыл раненых не успевали увозить, поэтому их разместили в двух палатках. Когда на палатки с ранеными напали японцы, раненым пришлось защищаться самим.

Мы взяли один укрепленный японский район. Шальные пули убивали японских лошадей:

они падали и умирали. А те, которые были только раненые, лизали сами себе раны. Подошли ко второму укрепрайону японцев. От волнения, через силу, сильным голосом комбат скомандовал:

– Лейтенант Газизов, в атаку поднимай!

Я поднял голову, увидел, как японец катит станковый пулемет прямо на комбата. Комбат тоже увидел и быстро бросился влево. А я с противотанковой гранатой в руках прыгнул на то место, где лежал комбат. Я падал уже на землю, когда надо мной пролетела очередь из пулемета. Хорошо, что не бросил гранату, стоя во весь рост. Меня спасли доли секунды. Японец увидел, что у меня в руках граната, продвигаться вперед не стал. Он начал бить из пулемета в то место, где я лежал за камнем. Лежа, я не мог докинуть гранату до японца. А комбат по радиации уже вызывал на себя огонь 120-минометной батареи. Мины разрывались вокруг нас. Я потерял сознание.

Когда очнулся, я не мог вспомнить, сколько времени был без памяти. Видно, был оглушен. Руками я быстро ощущал себе спину, бока. Значит, живой, хоть и сдавлен взрывной волной. «Что же я делаю? – вдруг мелькнула мысль. – Ведь поднимаю руки, когда ощупываю себя, японец увидит и может меня пристрелить». Стал осторожнее.

Очень щипало пятку. Посмотрел на ногу и увидел, что в каблуке ботинка торчит большой осколок от снаряда. Хотел я его другой ногой оттолкнуть, но он прочно засел в каблуке. Ботинки были английские. Металлическая подкова толщиной 2 мм обхватывала каблук ботинка по окружности и ступне каблука. Это и спасло мою ногу.

Рядом я увидел воронку. Решил переползти в нее. Воронка оказалась глубокой, но узкой, и лежать в ней было неудобно. Вдруг я услышал из соседней воронки голос комбата:

– Смотри! Он жив, жив! – это он про меня говорил с радостью.

Я пополз туда. Комбат лежал в очень неудобной позе, на локте. Потом я увидел японского пулеметчика, он был убит снарядом минометной батареи, вызванной комбатом. Рука японца лежала на пулемете. Я подумал, что правильно действовал, когда бросился с гранатой на то место и не дал возможности японскому пулеметчику убить комбата. А без комбата некому было вызвать огонь на себя.

Теперь вроде бы никто не беспокоил. Комбат передавал по радиации:

– Всем подтянуться и занять оборону на хребте!

Впереди нас наступала шестая рота батальона. Командир взвода ПТР приказал подойти к самому хребту сопки, за которой находился противник. Я нашел укрытие – кустик, маленький дубочек. Но сразу же заметил, что из гранатомета бьют по хребту. «Расстояние между взрывами одинаковое, – прикинул я, – и четвертый выстрел попадет прямо в меня». Я прыгнул вперед, рядом был окоп. Две пулеметные очереди чуть не прошли меня. Командир взвода заругался: зачем, дескать, без команды пошел вперед.

– Ты спишь, – говорю ему, – а по хребту миномет бьет.

Только это проговорил, как тот дубочек, под которым я лежал, полетел вверх: в него снаряд попал, и командира взвода землей засыпало. Я заругался на взводного:

– Мне тут лежать нельзя, меня же видно и могут расстрелять.

Я стал прислушиваться, нет ли кого в окопе. Вроде никого не слышно. Решил прыгнуть в окоп. Поднялся на миг и увидел, что в окопе лежат трупы японцев. Прыгнул прямо на них: все равно по-другому не узнаешь, есть ли живые среди них. И снова пулеметная очередь прошла у самой моей головы и у ног.

Окоп был, как обычно, зигзагообразный. Я внимательно смотрел в обе стороны, чтобы из-за изгиба никто на меня не напал. Один в окопе оставался недолго: за мной стали прыгать в него оставшиеся солдаты нашего взвода.

...Впереди нас была широкая впадина, за ней – возвышенность. На самой высокой точке виднелся дот и что-то вроде шалашей. Комбат послал на разведку к доту сержанта Пальянова. Тот сходил и доложил:

– Там, кажется, кто-то есть.

– Вот взвод ПТР и взвод пятой роты, – сказал комбат. – Блокировать дот из пятой роты!

Нас осталось совсем мало, и у меня появилось нехорошее предчувствие. Стали блокировать дот. Справа стояла наша подбитая самоходка. Я приготовился стрелять из нее. Пока солдаты приближались к доту, я увидел рядом с самоходкой лежащего солдата. У него была содрана вся спина, и он попросил меня перевязать его. Я склонился над ним и впервые увидел человеческое мясо. Открыв свой индивидуальный пакет, я вытряс его на спину солдата, разорвал свою нижнюю рубашку и перевязал его.

– Ты не поднимайся, – сказал он. – А то убьют. Меня из самоходки выбросило волной, а спину ободрал об обломок самоходки. Остальные все погибли...

Солдаты пятой роты и взвод ПТР стали приближаться к доту, из которого началась пулеметная стрельба. Я стал быстрее стрелять из ПТР по доту. Амбразура у дота широкая, и я стрелял то в ее середину, то по краям. Пулеметная очередь из дота прекратилась. Я продолжал стрелять, минуя головы наших солдат. Солдаты, пугаясь моих пуль, порой падали, но опять быстро вставали. Наконец, уже нельзя было стрелять по доту, так как наши солдаты подошли совсем близко к нему. Сержант Пальянов бросил противотанковую гранату, и дот обвалился. Оттуда стали выбегать японцы и бросать в наших гранаты. Они рвались почти у самых ног.

Один из наших солдат из пятой роты с ручным пулеметом оставался в стороне и стрелял в выбегающих японцев. Он один убил их человек пятнадцать. Японцы не заметили ручной пулемет, они бросали гранаты в сторону тех наших солдат, которые кричали «Ура!». Мы блокировали дот без потерь.

Увлеченность мирным трудом

Прибыв домой, в Старый Город, я никуда не мог устроиться на работу. Ходил в Барашево, обращался в разные места возле своей деревни, но все без толку. Трудился в колхозе на разных работах: пахал, сеял вручную. А когда вышла анкета, то приехал в Саров. Точнее, не приехал, а пришел прямо в лаптях.

В феврале 1948 г. я пришел на собеседование к директору первого завода. Он посмотрел мою трудовую книжку и спросил, какую работу мне приходилось выполнять. Я рассказал о том, чем занимался еще до войны в Дзержинске, какие работы выполнял после войны на Дальнем Востоке. Директор послал меня работать в крупноточкарный цех. Работал по 12 часов в сутки и без выходных.

В 1949 г. при сборке первой атомной бомбы, когда запрессовывали крышку в оболочке, крышка сдвинулась и не дошла до своего места. Ее невозможно было вытащить. Нужно было оболочку разрезать так, чтобы сохранить центральную часть. Это сделать поручили мне и предупредили, что бомба эта намного дороже двух вагонов с золотом. С работой я справился, но было нелегко. Таких трудных заданий у меня было потом еще очень много.

Осенью 1953 г. я работал в крупноточкарном цехе на первом заводе. В конце одной из смен всех нас предупредили о продолжении рабочего дня, чтобы трудились на своих местах до особого

распоряжения. В три часа ночи в цех приехали Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков и Игорь Васильевич Курчатов в сопровождении четырех человек и заместителя главного конструктора «объекта» Николая Александровича Петрова. Петров сообщил Маленкову, что детали большого размера дают усадку после обработки на станке и размеры изменяются. Предложил изготавливать детали, увеличивая их размеры с учетом усадки. Я делал кокиль из алюминия для второго производства. В отливке заготовки образовались раковины, которые оставались после механической обработки. Раковины замазывали цементом, приобретенным в стоматологической поликлинике.

Мне пришлось работать с Николаем Лебедевым, приехавшим с паровозоремонтного завода. Работа у нас в цехе была более сложная, чем ему приходилось выполнять раньше, поэтому он не все детали мог изготавливать. Необходимо было на расстоянии до двух метров видеть снимаемую стружку толщиной до двух соток, при необходимости исправить глубину снимаемого слоя материала. Я изготовил восемнадцать деталей. Выручили опыт и смекалка. В цехе температура воздуха была очень высокая, так как на улице стояла жара. Стали проверять детали повторно, предварительно с целью охлаждения заполнив их водой. Приемная комиссия удивилась: как смогли изготовить детали с точностью до одной сотки? Мне пришлось кое-что разъяснить и сказать, что если бы я с такой точностью не изготовил детали, то их не принял бы контролер. Кстати, работая с Николаем Лебедевым, я числялся на наряде и самому себе, и ему равную зарплату, но он мою работу оценивал всегда на 67–70 рублей больше. На мой вопрос: «Зачем это делаешь?» он отвечал: «Так надо». Николай был добросовестным и справедливым. Он понимал, что моя работа всегда отличалась хорошим качеством.

В 1955 г. я почувствовал себя очень плохо. Оказалось, открылось внутреннее желудочное кровотечение (еще с армейской службы у меня болел желудок). Мне дали третью группу инвалидности на один год и перевели работать на среднеточкарные станки.

Запомнился и такой эпизод из моей рабочей жизни. Мне и Володе Крупнову дали задание по изготовлению деталей из сверхпрочного сплава. Наружный диаметр их по чертежу должен быть 200 мм, длина – 100 мм. Я стал делать деталь на круглошлифовальном станке (шлифовочным кругом). Я знал, что шлифовочный круг при

большой подаче быстро изнашивается и будет трудно изготовить деталь. Чтобы не запутаться, нужно ориентироваться на искру. Искры должны быть одинаковые. Я поставил на станок предмет высотой 70 мм и стал шлифовать деталь пока на 1 мм больше фактического размера по подбору. Учитывая износ круга, замеряя деталь микрометром, я понял, как нужно сделать деталь до чертежного размера. Деталь получилась по чертежу – очень хорошо! Технолог Щелкунов сказал, что я буду работать в цехе, а Крупнов займется деталями из сверхтвердого металла. Володя начал делать детали, не учитывая износ круга, и у него получилась деталь конусом. Щелкунов сказал мне:

– Ты наладил станок, а потом сбил его, из-за этого Крупнов испортил две детали. – И добавил: – За брак отвечать будешь ты.

Было обидно, но я сказал:

– Станок не собьешь, ведь у него две подачи – вперед и назад. Крупнов не подавал на износ круга, поэтому и деталь получилась конусом.

Я осмотрел бракованные детали и решил, что их можно просто доделать. Одна деталь в нижнем допуске – значит, не брак. Вторую можно сделать с наружным замком – значит, она тоже не бракованная. Когда я эти детали доделывал, Володя Крупнов был рядом и наблюдал за моей работой. А после того, как я закончил работу, он сказал, что пусть хоть расстреляют его, но работать с этими деталями не будет. Его уговаривали попробовать еще, но он отказался. В 1963 г. мне и токарю 8-го разряда Володе Крупнову поручили делать пресс-формы из сверхтвердого сплава. Володя испортил две детали и наотрез отказался обрабатывать этот металл. Остался я один. Работал со сверхтвердым резцом. Но только дотронешься до детали, резец сразу тупится. Пришлось много думать, пробовать. И снова у меня все получилось.

Я три года не был в отпуске. Предложили отгулять положенный отпуск. Выдали приказ. Но отпуск был мне не нужен, и я решил работать дальше. Так и остался на обработке сверхтвердых сплавов. И было новое задание: сделать восемь пресс-форм с точностью до двух микрон. Я выполнил. Вскоре провели испытания моих деталей, результаты оказались положительными. Поступило новое сложное задание: сделать детали для выставки на ВДНХ. Я отлично справился с ним. Мы получили золотую медаль. Меня опять обошли стороной.

А. К. Кулагин во время работы в секторе 3 ВНИИЭФ

Мои рабочие секреты

Как-то во время работы в третьем отделении мне выдали задание по обработке сверхтвердого металла. Я знал, что при этом на поверхности обрабатываемой детали остаются острые заусенцы, которые сильно изнашивают рабочую поверхность инструмента. Я решил изготовить свой мерительный инструмент. На чертеже рабочая поверхность инструмента 0,5 мм, а я сделал для работы 2 мм, чтобы инструмент дольше не изнашивался. Я изготовил тогда 80 деталей, из них скомплектовали две сборки. Испытания показали хороший результат. Главный инженер предприятия на совещании сказал, что со сверхтвердым металлом работать невозможно. Ему сказали, что сделано 80 деталей, уже провели испытания и получили хороший результат. «Туфта какая-то», – возразил он. Мне и мерительный инструмент пришлось сделать самому в количестве двадцати штук. Со сверхтвердым металлом я упорно работал три года, не ходил даже в очередной отпуск. Больше года работал сверхурочно. Изготовил 600 пресс-форм. Их испытали, получили хороший результат. Сверхтвердый металл одержал победу. За выполнение этого задания меня, беспартийного, наградили орденом Октябрьской Революции.

Памятные трудные задания

Николай Дмитриевич Аникин работал слесарем 8-го разряда. Однажды нас с ним пригласил в комнату мастеров начальник лаборатории товарищ Мешков. Сказал, что нужно из сверхтвердого металла сделать две детали с точностью до одной сотки по чертежу. Николай Дмитриевич ответил, что он оставит до чертежного размера две сотки и сделает работу за две недели. Я, по-

думав и прикинув, решил, что смогу сделать за меньший срок. И сделал их из болванки точно по чертежу за четыре смены. Николай Дмитриевич, когда изготавливал детали, доводил их притиром тремя пальчиками, крутил и клал на тряпочку – вроде, охлаждаться. А я всей силой нажимал на притир, он делался горячий. Я клал его в воду охлаждаться, брал второй, а потом третий притир, потому что еще первый не остыл. Задание я выполнил качественно и в короткий срок.

А однажды поручили сделать деталь-пластину из монокристалла вольфрама. Длина 100 мм, ширина 9 мм, толщина 2 мм, с точностью 0,05. Заготовки были у меня. Дал заготовку Елене Федоровне. Она шлифовала алмазным кругом. Но этот металл трудно поддавался обработке. Она делала подачу по две сотки, но алмазный камень и две сотки не прорабатывал. Получилось давление, а потом и вибрация. Заготовка разрушилась, стала вся в трещинах. Я предложил свои услуги, но ответа не получил. Елена Федоровна взялась за следующую пластину. И она тоже сделалась в трещинах. А потом и третью пластину поломала. Больше месяца работала она над этим заданием. Но ничего не смогла сделать. Я не вытерпел, взял заготовку и подошел к заточному станку с абразивным кругом. Стал вытачивать пластину, держал заготовку в руках. Когда заготовка нагревалась, я ее охлаждал в воде. При держании заготовки в руках на нее оказывается сильное давление. И вибрации нет. Я сделал эту очень тонкую работу за четыре часа.

Я не боялся браться за трудное задание. Мне было всегда интересно испытать свои силы, свое умение. Как-то надо было из монокристалла сделать две детали с замками. А в них, уже в сборном виде, на электроискровом инструменте сделать три двухмиллиметровые шпильки с точностью в одну сотку – один миллиметр. Потом соединить этими шпильками две детали. Когда их соединяли, одну шпильку выронили. А разве такую кроху найдешь?! С каким трудом я делал отверстия в замках этих двух деталей! Но что поделаешь... Говорю: «Давайте, я резьбу нарежу, а потом сами соединять станете эти детали». Мне разрешили нарезать резьбу. Нарезал я сверхточную наружную резьбу на резьбошлифовальном станке, а внутреннюю – резцом из сверхтвердого сплава. Когда собрали, то вышел третий класс. Затем стал соединять детали по резьбе. Так мы выполняли задание по обработке сверхтвердых метал-

лов, а я смог впервые нарезать резьбу на таком материале.

И новое задание: изготовить восемь пресс-форм с точностью до двух микрон из сверхтвердого металла. Я выполнял это задание уже в институте (МИФИ-4). Говорили, что аспиранты писали диссертацию по обработке сверхточных деталей из твердых сплавов. Работал я в течение месяца. Провели испытание пресс-форм, результаты оказались положительными. Но достались они мне дорогой ценой: пришлось выполнить сверхювелирную работу, требующую знаний, опыта, огромного внимания и напряжения. Я потом не раз анализировал свой труд. Это задание мне пришлось выполнять весной, когда за зиму отдохнул от летне-осенних забот. В другое время такую тонкую работу, наверное, выполнить не смог бы.

Запомнился мне и заказ на изготовление детали из монокристаллического вольфрама к маленькому атомному реактору для выставки в Америке. Сказали, что в Ленинграде и Москве отказались его сделать. Я взглянул на чертеж и согласился выполнить заказ. На это мне как-то грубовато сказали:

– Болтун ты! Так просто говоришь об этом. Да мы две недели бились, но никакого сдвига нет.

– Сделаю, – спокойно ответил я. – Мне такую деталь приходилось уже делать для лунохода.

– Тогда все ясно. Нужно изготовить четыре детали.

Я выполнил задание за месяц. Меня похвалили. Заказчик остался доволен.

Это была кропотливая и тонкая работа. Но я до сих пор, даже спустя много лет, помню каждое движение своих рук. И чертеж у меня в голове до сих пор. В общем, рассказывали, что наш маленький атомный реактор на выставку в Америку взяли, а вернуть – не вернули.

Вспоминается еще одно задание. Из московского института сплавов пришла телеграмма на наш «объект». Там готовилось совещание, на котором должны были присутствовать представители различных городов нашей отрасли. Мне нужно было привезти туда готовые изделия из монокристалла. Впереди был один день до отъезда, и меня попросили сделать еще что-нибудь из монокристалла и показать в Москве. И вот я в столице. Меня впустили в институт на совещание. Было много военных. Я передал нарезанную на резьбошлифовальном станке по калибру первого класса светлозеркальную резьбу. Все были удивлены, потому что это была первая

в мире резьба, нарезанная на монолитном кристалле...

А однажды пришлось мне выполнить тоже очень тонкую и ответственную работу. Б. Г. Музруков сломал шейку бедра. Надо было по всей длине костыля, изготовленного из материала ВТ-4, длиной 140 мм, диаметром 9 мм и с упорной резьбой по поверхности просверлить отверстие диаметром 1,5 мм. Потом в это отверстие нужно было вставить иглу. Подумав, я решил, что следует удлинить сверло, иначе ничего не получится. Взял патрончик, приделал к нему хвостовик длиной 120 мм с отверстием для удлинителя. Удлиненным сверлом миллиметр за миллиметр мне удалось просверлить отверстие диаметром 1,5 мм точно по центру костыля. Но, видимо, костыль не понадобился, так как я видел его потом у заказчика на столе экспоната.

За долгие годы работы во ВНИИЭФ мне приходилось много делать такого, чего не делали или не могли сделать другие. Обрабатывать те или иные металлы желающих не было, а я с успехом выполнял подобные задания. Приходилось иногда менять и технологию обработки металлов – мне это разрешалось. Когда в 1994 г. меня проводжали на пенсию, сказали, что я почти всю таблицу Менделеева сумел не только понять, но и обработать. Не обрабатывал, правда, плутоний и платину, так как плутоний очень вредный, а платина чересчур дорогая. А вот франций и германий очень твердые. Кстати, два дня я пытался их обработать, но они не поддавались. Переживал, но меня успокоили:

– Ничего, с этими элементами мы работать не будем.

Моя Анастасия Федоровна

Еще в молодости я встретился с Настенькой, соседкой моей сестры, у которой я жил после возвращения с фронта. Отец Насти погиб на войне, мать тоже вскоре умерла. Жила она с братом и маленькой сестрой. И мне было очень жалко ее. Мы стали мужем и женой.

В 2003 г. моя Анастасия Федоровна тяжело заболела, ее положили в больницу. Кормить ее приходили туда наши дочери Валя и Марина. Аппетита у нее не было, ела плохо, говорила, что не хочет. Когда приходил к ней я, она постоянно спрашивала одно и то же, почему я не был у нее вчера. Так было и в тот день. Когда пришел к ней, услышал:

– Почему ты не приходил вчера?

– Как же не приходил? – говорю. – Приходил, чулки из собачьей шерсти тебе принес. Ты забыла...

– Ты ходи ко мне, – тихо сказала она.

Потом она попросила меня подойти к ней поближе. В палате лежала еще одна женщина. Не обращая внимания на постороннего человека, я выполнил ее просьбу. Она попросила:

– Сядь со мной рядом.

Я сел, она обняла мою голову двумя руками, прижала ее к груди, погладила и заговорила:

– Эх, как я тебя любила всю жизнь!

Она так никогда не говорила раньше. Я слышал еще в детские годы, что люди перед смертью всю правду говорят. А Настя, наверное, перебирая в памяти годы нашей жизни, продолжала:

– Да как не любить тебя? При совместной жизни со мной ты за два с половиной года построил большой бревенчатый дом из трех комнат с верандой и надворной постройкой. В пятьдесят втором году перешли в него жить. Я радовалась и говорила, что разве кто другой построит такой дом за два с половиной года?!

– У дома вырос фруктовый сад, – продолжала Настя. – Наши дети росли на чистом воздухе, не болели. Это же лучше, чем жили бы в многоэтажном доме. Сорок счастливых лет мы прожили в своем доме. А сейчас он находится на садовом участке. Если бы не было своего бревенчатого дома, своего хозяйства, мы не смогли бы выучить четверых детей. Дети не получили бы высшего образования.

...Вспоминаю тот день, и перед глазами проходит вся наша с Настей жизнь. Мы оба с ней из деревни. В Сарове она работала письмоношцем. Когда построили дом, обзавелись коровой. Имели и бычков до года. Вместе с женой готовили сено по выходным (в будни не могли, потому что работали на производстве). Бывало, заготовим

сено, моя Анастасия Федоровна радуется, потому что корова будет жить и пополнять бюджет семьи. Поселок, в котором мы жили, попал под снос, всем жителям дали квартиры. У кого была машина, дали им гаражи за небольшую плату. Свои гаражи у домов они побросали. Я свой гараж и брошенные гаражи пере-

А. Ф. Кулагина

А. К. Кулагин почти со всей своей семьей, 2012 г.

вез в сад-огород. А еще выписал на очистных по 10 рублей за машину материал от сломанного большого каменного дома. 11 машин перевез в сад-огород, построил там со своей женой два полуподвала. Купил два бревенчатых дома, выписал в строительстве междуэтажное потолочное перекрытие, положил на полуподвалы и поставил на них бревенчатые дома дочери Марине и сыну Саше. Жена моя была очень довольна: дома детям получились хорошие, ни у кого тогда таких домов не было...

Все это вспоминаю теперь, когда пишу о последней встрече с моей Анастасией Федоровной. Откровенничала она со мной в больнице тогда первый раз в жизни. И в тот день я видел живую мою Анастасию Федоровну и слушал ее в последний раз. Ей сделали сложную хирургическую операцию. Она умерла на 75-м году жизни.

Со своей женой, Анастасией Федоровной, я прожил 54 года. Мы вырастили и воспитали четверых детей – Валентину, Николая, Александра и Марину. Все они имеют высшее образование. У нас четверо внуков и четверо правнуков. Если были какие-либо успехи в моей жизни, это только благодаря близкому мне человеку – Анаста-

сии Федоровне. Она была очень трудолюбивой, хорошей женой и матерью, любящей бабушкой и прабабушкой. Мне жаль ее. Мне скучно без нее.

Эпилог

Из дома я ушел на заработки, когда мне было всего 14 лет, и стал жить без родителей. Но не считаю себя несчастным человеком. Спасибо отцу за то, что воспитал во мне трудолюбие. Со своей женой, Анастасией Федоровной, я прожил больше полувека. Она никогда не спрашивала, зачем я так много работаю, почему часто не бываю дома. Своей жизнью и успехами в работе я обязан именно ей.

Пишу это специально для детей своих, судьба которых похожа на мою. Работайте, мои хорошие, старайтесь! Любая работа успокаивает нервную систему, дает уверенность в будущем. Так будьте счастливы, дети!

2009–2012 гг.

Совет ветеранов ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ